

Мейзенбуг Мальвида Амалия

Воспоминания идеалистки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М21

М21 **Мальвида Амалия М.**
Воспоминания идеалистки / Мейзенбург Мальвида Амалия – М.: Книга по Требованию,
2023. – 645 с.

ISBN 978-5-519-96060-1

ISBN 978-5-519-96060-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

ВОСПОМИНАНИЯ ИДЕАЛИСТКИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Н. А. МАКШЕЕВОЙ

«А С А Д Е М І А»

1 9 3 3

*Суперобложка и переплет
по рисункам Д. И. Митрохина.*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Западно-европейская мемуарная литература очень не богата воспоминаниями о русских литературных и политических деятелях. Воспоминания Мальвиды Мейзенбуг представляют интересное и ценное исключение из этого общего правила. Героем ее воспоминаний является А. И. Герцен. Рядом с ним на страницах Мейзенбуг фигурируют его друзья, соратники и знакомые из международной демократической эмиграции 50—60-х годов: Маццини, Луи Блан, Кинкель, Саффи, Доманже, Огаревы и т. д. Мейзенбуг прожила три года в доме Герцена в качестве воспитательницы его дочери, фактически — в качестве близкого друга и руководительницы всего дома. Покинув дом Герцена после приезда Н. А. Огаревой-Тучковой, Мейзенбуг осталась самым близким лицом к первой семье Герцена: он отдал ей на воспитание свою младшую дочь Ольгу, посылал жить к ней старшую, Наталью, и в связи с этим неизменно, до самой смерти, поддерживал с Мейзенбуг оживленную переписку.

Сам Герцен относился к этой долголетней свидетельнице своей семейной и общественной жизни как к человеку немного сверх меры экзальтированному и практически бестолковому, но безусловно ему преданному. Чувство Мейзенбуг к Герцену было сложнее и глубже: она любила в нем не только блестящего художника и крупного общественного деятеля, но и человека, обаянию которого она всецело подчинилась. Принужденная покинуть дом Герцена, она доходит до мысли о самоубийстве.

Тесно связанная, таким образом, с самого начала 50-х годов с жизнью Герцена и его семьи, Мейзенбург зафиксировала в своих воспоминаниях ряд таких моментов из личной и общественной жизни автора „Былого и дум“ и его круга, которых никто другой передать нам не мог. Длинный ряд страниц воспоминаний Мейзенбург является необходимым дополнением и пояснением к „Былому и думам“ и к переписке Герцена. В ряде случаев эти страницы позволяют раскрыть факты, на которые в произведениях самого Герцена имеются только неясные намеки; иначе говоря, подлинная биография Герцена невозможна без широкого использования мемуаров Мейзенбург.

Но Мейзенбург далеко не ограничивается в своих воспоминаниях фигурой Герцена. Как сказано выше, почти все деятели международной и лондонской эмиграции после революции 1848 года, так или иначе соприкасавшиеся с Герценом, проходят на ее страницах, и это, конечно, расширяет их значение как документального свидетельства современника об окружении, в котором жил и работал Герцен. В ряде случаев свидетельства Мейзенбург являются единственными и приобретают благодаря этому исключительную ценность. Такова, например, ее характеристика французского революционера-эмигранта, казненного в Лондоне в 1854 году, таково ее свидетельство о разногласиях между Маццини и Гарибальди во время приезда Гарибальди в Лондон в 1855 году, таковы ее характеристики второстепенных деятелей эмиграции — Доманже и др.

Но, кроме всего этого, воспоминания Мейзенбург интересны и сами по себе. Она назвала их совершенно правильно — „Воспоминания идеалистки“. И, действительно, Мальвида Мейзенбург была идеалистка в самом хорошем и в самом дурном смысле этого слова. В самом дурном — ибо Мейзенбург живое воплощение того „идеализма“, ко-

торый бессодержательным стремлением ко всему „благородному и прекрасному“ восполняет отсутствие каких-либо четких убеждений и сколько-нибудь углубленного понимания окружающей жизни. Действительно, идеалы Мейзенбург, о служении которым она так много говорит в своей книге, чрезвычайно смутны, оценки людей очень благородны, но бессодержательны, а понимание событий общественной и политической жизни далеко ниже того уровня, которого можно было бы требовать от человека, пережившего революцию 1848 года. Прочитав первый том ее воспоминаний, Герцен писал ей: „Вы озаряете все такими яркими лучами, что совсем нет теней. Я узнаю черта за чертой ваш идеализирующий характер“.

То же самое ставил в упрек Мейзенбург и Фридрих Ницше, поддерживавший в течение нескольких лет близкие личные и письменные отношения с Мейзенбург; он упрекал ее в том, что она не умеет разбираться в людях, что у ней отсутствует чувство юмора. Этот экзальтированный идеализм в больших количествах бывал иногда, повидимому, нестерпим: Ницше в 70-х годах „бежал“ от него, так же как Герцен в 50-х.

Отсутствие всякой научной основы в убеждениях Мейзенбург сделало ее, в конце концов, игрушкой в руках общественной моды. В эпоху революционного брожения она безраздельно увлечена героем немецкого мещанства, „страстотерпцем“ Кинкелем, без колебаний и сомнений принимает она затем идейное руководство скептика и материалиста Герцена и почти одновременно увлекается личностью и проповедью мистически настроенного Маццини; по мере падения революционной волны и крушения революционных надежд она увлекается мистической сторовой музыки и теории Рихарда Вагнера и, наконец, находит успокоение в пессимистической философии Шопенгауэра, торжество которой в умах немецкой демокра-

тической интеллигенции знаменовало ее окончательный разрыв со всякой революционной традицией.

При всем том Мейзенбуг была „идеалисткой“ и в самом лучшем смысле этого слова, в смысле подлинной искренности своих увлечений, действительно бескорыстного служения своим убеждениям, готовности пойти на лишения и жертвы ради того, что кажется служением прогрессу человечества.

Рожденная в придворной обстановке, связанная с реакционными кругами германской служилой аристократии, Мейзенбуг, под влиянием общественного оживления, приведшего к революции 1848 года, порывает со своей семьей и ее религиозно-аристократическими традициями, меняет открытый ей путь в „стан ликующих“ на положение эмигрантки, с трудом снискивающей себе на пропитание случайными уроками и журнальной работой. В ней был, несомненно, тот самый материал, который, при другом ходе общественных отношений, мог бы сделать из нее горячего адепта широкого революционного движения. В России 70—80-х годов девушки типа Мейзенбуг,—выходцы из богатых аристократических семей, также идеалистки в дурном и хорошем смысле этого слова,—становились в ряды революционных групп. Но предпосылками этого являлась острая революционная ситуация, дополненная царистско-азиатскими методами расправы с революционерами. В Германии 50—60-х годов такой острой революционной ситуации уже не было; наоборот, буржуазное преуспевание Германии охватывало и подчиняло себе все неустойчивые демократические элементы, охлаждало их революционный пыл и окончательно выветривало из голов бывших демократов всякие остатки бывших революционных стремлений. Весьма многие из старых друзей Мейзенбуг по лондонской эмиграции, во главе с Кинкелем, Блиндом и т. д., оказались в рядах песнопевцев этого буржуазного

прогресса. Мейзенбург по этому пути не пошла. Тут ей помогли и ее „идеализм“ и, по всей вероятности, прививка герценовского скептицизма. Она осталась верна себе. Ее „Воспоминания идеалистки“ являются славословием смутных демократических тенденций, пробужденных революцией 1848 года, и тех деятелей международного демократического движения середины XIX столетия, с которыми Мейзенбург столкнулась в лучшую пору своей жизни. Именно поэтому эти воспоминания и сейчас еще сохраняют свою ценность как показания достоверной свидетельницы о ряде крупных людей европейского и русского демократического движения и как история жизни рядовой деятельницы этого движения, брошенной в него великим толчком „безумного года“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

